

© 2001 г.

Я.В. ШИМОВ

РОССИЯ НА ПОРОГЕ XXI ВЕКА: СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ

ШИМОВ Ярослав Владимирович - выпускник МГУ, корреспондент Радио "Свободная Европа" (Прага).

События 90-х гг. в России получили много оценок. Однако в научной литературе, включая работы социологов, и в СМИ приходится сталкиваться с констатацией одного факта и одного предположения, касающихся хода и особенностей трансформации посткоммунистической России. Первый: в России преобразования 90-х гг. не привели к созданию гражданского общества, основ демократического правового государства и социальной рыночной экономики - хотя страны бывшего социалистического лагеря (Польша, Чехия, Венгрия и Словения) далеко ушли по пути модернизации и демократизации. В этих странах в 90-х гг. в основном сформировались гражданское общество, правовое государство и рыночная экономика, а в России строительство демократических институтов заморожено. Частично распавшееся, а частично разрушенное государство после 1991 г. не было в полной мере восстановлено. Ельцин не создал ни политических институтов демократии для поддержки рыночных реформ, ни институтов государственной поддержки рыночной экономики и системы социального обеспечения [1, с. 174]. То есть, в 1991-99 гг. задачи, связанные с таким переходом, решены далеко не полностью. С точки зрения благосостояния большинства и социальной защищенности российское общество отброшено назад. Второй тезис: после Ельцина начался новый этап истории страны. По вопросу о том, что это за этап и что он сулит обществу, согласия нет. Отмечу, что последние события позволяют говорить о качественных изменениях в российском обществе, особенно политическом классе, сформировавшемся в эпоху Ельцина.

Задачи статьи: 1) анализ причин неудач социальной трансформации в посткоммунистической России; 2) попытка определить особенности нового этапа российской истории в контексте этой трансформации. Для ответа на вопрос, как и почему мы оказались там, где оказались, выдвинем гипотезу, которую постараемся обосновать ниже. В России, в отличие от стран Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ) и бывших республик СССР, процесс посткоммунистической социальной трансформации, революционный по характеру, совпал с другим, не менее болезненным и тяжелым для общества процессом - распадом имперского государства и постепенного создания на месте метрополии бывшей империи основ качественно иного государства - национального. "Наслоение" этих процессов стало главной причиной, придавшей переменам в России медленный, болезненный и незавершенный характер. Такое "наслоение" - редкий феномен истории. Чтобы показать его последствия, необходимо проанализировать ход указанных процессов (трансформации социальной и трансформа-

ции постимперской), и особенности их взаимодействия, что позволит понять, как развивается сегодняшнее российское общество. Такие анализ и прогноз невозможны вне контекста истории страны, традиций, поиска Россией места в мире.

Третья русская революция

К 2000 г. страна пережила революционный цикл, этапы которого совпадают по содержанию с этапами революций в Европе и в России за последние 200 лет. С точки зрения синергетики такие исторические параллели выявляют универсальные циклы развития, свойственные обществу как самоорганизующейся системе. История в определенном смысле "стремится к неустанному повторению, к навязыванию определенной... модели. Например, все происходит так, как будто участники одной революции воспроизвели и пережили другую: Французская революция просматривается сквозь Советскую. Или же как будто во всех императорах непрерывно возрождается один-единственный, Цезарь или Наполеон" [2, с. 358]. По нашему мнению, *применительно к 1989-99 гг. можно вести речь о третьей русской революции* (первая, 1905-07, вторая - 1917-29 гг.). Этот полный революционный цикл России - особенность социальных перемен в сравнении с другими странами, пережившими в последние 20-25 лет "третью волну демократизации" (С. Хантингтон). Революция, о которой идет речь, развивалась по законам европейских революций (в том числе второй русской), обладая спецификой. Опираясь на работы по социологии революции, дам периодизацию ее событий.

1. Назревание (1989 - лето 1991 гг.). Начатое Горбачевым совершенствование позднесоциалистической системы стало катализатором ее распада. Правящая элита раскололась на консерваторов и реформистов, умеренные и радикальные группировки. Ограниченность преобразований экономики при глубоких изменениях в социально-политической сфере привела к обострению давно назревавшего экономического кризиса, к всплеску недовольства масс, которое в условиях гласности и демократизации выражалось открыто. Реформистский импульс "сверху" был дополнен революционным импульсом "снизу". После отказа КПСС в начале 1990 г. от монополии на власть старый порядок был обречен.

2. Подъем (август-декабрь 1991 г.). Толчком, разрушившим позднесоциалистический строй, стала попытка переворота в августе 1991 г. консервативной частью правящей элиты. Провал путча обернулся контрпереворотом. Власть перешла к радикальной антикоммунистической оппозиции, группировавшейся вокруг Б. Ельцина и поддержанной из соображений своей политической выгоды элитами союзных республик. Эти силы, используя подъем антикоммунистических (прежде всего в России) и националистических (в большинстве союзных республик) настроений, покончили с союзным государством. Распад СССР потребовал ускоренной институционализации нового политического режима. Но перемены, внешне революционные, с социальной точки зрения оказались ограниченными. В России, в отличие от большинства стран ЦВЕ, не произошло полной или почти полной смены политического класса. Сменились персоналии и атрибуты власти. Суть режима осталась прежней. Российское общество "позволило утвердиться антикоммунистическому режиму, сохранившему персональную (Ельцин) и институциональную (президентское единовластие) коммунистическую наследственность" [3].

3. Пик (1992-93 гг.) - бурная фаза институционализации режима и формирования "нового старого" политического класса. Социальных групп, пополнявших этот класс, три: 1) часть партийной, советской и хозяйственной номенклатуры, приспособившаяся к новым условиям, сменившая лозунги и ориентацию; 2) часть радикальной антикоммунистической интеллигенции, инфильтрованная во власть в 1991 г. (ультралиберальные экономисты во главе с Е. Гайдаром и А. Чубайсом и др.); 3) новая буржуазия, возникшая в обстановке хаоса начала 90-х. Она изначально была тесно связана с бюрократией, из рядов партийных и комсомольских работников низшего и среднего

звена вышли многие нувориши 90-х гг. Ее происхождение и в значительной степени паразитический характер обусловили заинтересованность в приобретении политического влияния.

Вне властных структур и политического класса оказался "старый" средний класс. Это образованные и, по социалистическим меркам, зажиточные представители технической и гуманитарной интеллигенции, мелкие и средние служащие, высококвалифицированные рабочие и др. В ЦВЕ из "старого" среднего класса вышла значительная часть новой политической и деловой элиты. В России в результате непродуманных, чрезмерно радикальных и непоследовательных реформ начала 90-х этот слой исчез. Политика постсоветского режима в России изначально противоречила социально-психологическим установкам "старого" среднего класса. Исследования социологов 80-х гг. в СССР и на Западе среди эмигрантов из Советского Союза (большинство респондентов - представители средних слоев), показали, что для них характерна четкая система социальных приоритетов, в которой обеспеченность материальным достатком и социальная защищенность превалируют над стремлением к демократическим свободам индивидов. Эти люди видели "в государстве могучую, но доброжелательную патерналистскую и контролирующую силу, которая отвечает за судьбу страны и руководит ею, но при этом еще и служит интересам рядового гражданина, опекает и оберегает его" [1, с. 155, 154]. Приоритеты радикал-антикоммунистов, оказавшихся у власти, иные. Результат - крах социальной защиты, массовое обнищание, маргинализация средних слоев, социальные контрасты.

Антикоммунизм части общества 1989-91 гг. угас. Для народа власть коммунистов была жестокой и преступной, но *своей*. По мере ухудшения социально-экономической ситуации в России в 1992-93 гг. позднесоциалистическая система обрела в массовом сознании большую привлекательность, возник миф о "старых добрых временах", как бывает в обществе, уставшем от перемен. Народы ЦВЕ, напротив, в большинстве воспринимали социалистический строй как изначально чуждый; сознание, что он не является реальной альтернативой демократизации и модернизации, помогало перенести тяготы перехода. Там изначально политические силы были согласны относительно принципов функционирования новой экономической и политической системы, оценок прошлого [3]. В России такого согласия не было. Наоборот, быстро возник разрыв между интересами "молчаливого большинства", с одной стороны, и располагающей полной властью "либерально-якобинской" группы - с другой. Превращение президентства в "суперпрезидентство" вызвало противодействие части политического класса, не желавшей следовать за ультралибералами. Противостояние этих группировок привело к столкновениям в Москве в октябре 1993 г. Победа президентской стороны, авторитарная конституция и выборы в Госдуму 12 декабря того же года - апогей и начало конца революции.

4. Cnad (1994-96 гг.). Последние месяцы 1993 г. - аналог термидора в революции французской. Победа "якобинцев" вокруг Ельцина привела к их поражению. Ельцин не Робеспьер; его в первую очередь интересовало сохранение и упрочение собственной власти. Радикальные реформаторы поздно поняли это. Уничтожив в конце 1993 г. Верховный Совет, Ельцин, игравший попеременно роль Лафайета, Дантона, Барраса, выдавил из властных структур либералов, сделав ставку на близких ему по духу деятелей типа Черномырдина и Сосковца. Одновременно шло сращивание высших слоев российской бюрократии с новой буржуазией, - "семибанкирщина". Россия вступила в фазу термидора: власть денег и коррупция, неисполнение законов, олигархи, сосредоточение политической власти в руках узкой, тасуемой группы, раздел и передел собственности [4]. В середине 90-х гг. "внесистемный режим Бориса П" оформился - парадоксальная система власти, втиснутая "в усыпанное минами историческое пространство между неизжитой традицией единовластия, тяготеющего к пожизненности, и необходимостью использовать демократические процедуры для легитимации этого единовластия, ибо все другие способы... уже исчерпаны" [3]. "Гарант конституции", мастер "сдержек и противовесов", первый президент России оказался заложни-

ком системы, став главной сдержкой и противовесом между противоборствующими кланами - лидерами новой буржуазии ("олигархи"), региональными элитами и лоббистскими группами столичной бюрократии.

Экономическая политика термидора связана с В. Черномырдиным. Его кабинеты ограничились обеспечением экспорта сырья, выбиванием кредитов международных финансовых институтов, антиинфляционными мерами (в зависимости от чего предоставлялись кредиты) и финансовыми спекуляциями с ГКО. В экономику России влились значительные средства. Но большими темпами рос государственный долг, ставший к моменту отставки премьера в 1998 г. критическим. Эта политика привела к кратковременному, обманчивому экономическому оживлению в Москве, некоторых крупных городах и нефтегазоносных провинциях. Начал возникать "новый" средний класс, на который ориентировалась "партия власти" - НДР. То, что формировавшаяся система выгодна правящей элите, показали президентские выборы 1996 г.: победу больному Ельцину принесло единение практически всех элит.

5. *Кризис (1996-99 гг.)*. Эта победа оказалась пирровой. Главная ценность ельцинской системы для всех группировок российского истеблишмента (в том числе - некоммунистической оппозиции) - доступ к власти, собственности и возможность бороться за расширение этой доли. Российский пирог оказался поделен. К концу 90-х гг. противоречия, из которых был соткан "внесистемный режим Бориса П", так обострились, что недовольство проявилось в политической и бизнес-элитах. За время второго президентства Ельцина наружу вышли три *системные* проблемы.

1) *Проблема легитимации*. Форма российского политического устройства вопиющим образом противоречит содержанию. Формально Россия - демократическая федеративная республика президентского типа; фактически - гибрид авторитарного режима, использующего механизмы демократии, режима монархического (назначение В. Путина "наследником") и рыхлой, полуфеодальной по духу конфедерации, глава которой, при номинально почти безграничных полномочиях, на деле не более чем *primus inter pares*. Недемократический режим, использующий для легитимации важнейший элемент демократии - выборы, вряд ли возможен. Кризис режима Ельцина спровоцирован Ельциным (см. ниже). Но даже более развитый человек не вдохнул бы жизнь в политическую модель, обреченную исчезнуть после выполнения ею исторической функции.

2) *Проблема институционализации* связана с характером режима. Он внесистемный: функции и полномочия ряда его институтов (администрация президента, Генпрокуратура и др.) обозначены смутно, многие политические факторы ("олигархи") действуют "под ковром", непродуманное административное устройство ведет к конфликтам центра с регионами. Даже стержень системы - президентская власть - институционализирована недостаточно. Пока шел дележ власти и собственности, решались задачи защиты от реванша КПРФ, это положение дел устраивало большую часть правящей элиты. Но ситуация стала выходить из-под контроля. Усилилось соперничество внутри элиты. Ослабление власти президента в силу болезней Ельцина "компенсировалось" его непредсказуемостью, вело к череде кризисов.

3) *Проблема политического класса*. На протяжении революционного цикла (кроме таких эпизодов, как выборы 1996 г.) правящая элита была расколота. Бюрократия Кремля и Белого дома, региональные элиты, "олигархи", лоббистские группы то и дело заключают и расторгают союзы ради сиюминутных выгод. Вначале президент если не был арбитром, то сдерживал размах "боевых действий" между группами элиты. В 1996-99 гг. он стал лишь одним из участников этой войны - дряхлым и слабым.

Раскол политического класса стал угрожать единству и существованию страны. Кроме этого, Россия глубоко расколота между элитой и остальным обществом. По мнению специалистов, раскол - часть российской исторической традиции. Раскол есть прежде всего разрыв коммуникаций внутри общества, между обществом и государством, между духовной и властвующей элитами, народом и властью, народом и интеллигенцией, внутри народа. Он проникает в каждую личность, стимулируя двоемыслие, неустойчивость принимаемых решений [5]. В конце эпохи Ельцина разрыв между

народом и властью достиг небывалых размеров. По данным социологов, в 1997 г. лишь 11% россиян доверяли президенту страны, 12% - правительству, 10% - Госдуме. Заметно выше был рейтинг православной церкви (44%), вооруженных сил (48%) [6]. В последние годы правления Ельцина ситуация ухудшилась.

Политика косметических реформ экономики сменилась в 1998 г. авралом. Долговой "навес", возникший за годы Чернобырдина, обвалился. С одной стороны, это следствие экономического курса термидорианцев, с другой - действий правительства Кириенко. Август 1998 г. ударил по "новому" среднему классу. Его жизненный уровень за несколько недель упал в 3-4 раза. Кризис имел и положительные результаты: рост отечественного производства в ущерб импорту и экономический подъем в 1999 г. Обвал 1998 г., вся эпоха 90-х приучили население полагаться на собственные силы, избавили миллионы людей от патерналистских ожиданий и иллюзий советских времен. Кризис режима Ельцина совпал с переоценкой ценностей обществом, с формированием социально-психологической основы новой политической системы. Процесс ее создания идет сегодня. Он отражен в сдвиге симпатий и предпочтений большинства населения к консенсусу по большинству вопросов. Приверженцы радикализма, национал-коммунисты, либералы-западники оттеснены на обочину. В центре политического спектра - большинство, осознанно или неосознанно, разделяющее *синтетические* ценности; сочетающие патриотизм и умеренный национализм с признанием демократии и гражданских свобод. На думских выборах 1999 г. партии и движения, программам и лидерам которых в той или иной степени присущ такой подход ("Единство", ОВР, СПС), получили большинство. "Синтетический" подход младшего поколения россиян, по мнению социологов, олицетворяет синтез исторической и социально-политической мифологии и создает предпосылки преодоления социально-культурного раскола, характерного для предыдущих поколений [7]. Другой признак нового этапа развития страны в конце 90-х гг. - усиление авторитарных настроений, тяги к "сильной руке" и наведению порядка, что присуще российской политической традиции.

Владимир Наполеонович?

Смена термидорианского режима авторитарным - не "железный" закон. Исторические ситуации уникальны. Третью русскую революцию отличают меньший радикализм, укороченная радикальная фаза цикла и растянутость термидора (6 лет). Затяжка термидора привела к разрушению или деградации социального устройства. Ельцинский режим — режим компромиссов и сделок, в чем и заключались его "вне-системность" и залог недолговечности. Между тем, отмечал А. Тойнби, "новое рождение, а не попытка найти шаткий компромисс есть единственно возможный счастливый конец... раскола" [8, с. 339]. Сохранение стагнации значило бы, что российское общество не способно преодолеть раскол, что оно агонизирует. Популярность В. Путина олицетворяет стремление общества осуществить "новое рождение" на основе бонапартистского режима. Бонапартизм - власть авторитарного харизматика, располагающего массовой поддержкой, использующего армию, полицию, спецслужбы для утверждения жестко централизованного иерархического режима. Гражданские свободы могут ограничиваться в большей (Франция при Наполеоне I, Испания при Франко) или меньшей (Турция при Ататюрке) степени, даже сохраняться (Франция при де Голле). Бонапартизм и тоталитаризм отличаются жесткостью и идеологизированностью [9, ч. 2, с. 80].

В 2000 г. в России делаются попытки создания такого режима: административная реформа; усиление политической роли армии и спецслужб, рекордное число их представителей оказалось в рядах высшего российского истеблишмента; конфликты Кремля с могущественными группировками политического класса; попытки ограничить свободу прессы. Уровень популярности подтверждает бонапартистскую природу власти Путина. В мае 2000 г. социологи ВЦИОМ отмечали, что рейтинг В. Путина держится на отметке 46% упоминаний в просьбе назвать 5-6 имен политиков, заслу-

живающих доверия. Этот показатель у Ельцина не превышал 40%, а у популярного Е. Примакова - 29%. Одобрение деятельности президента достигает 72% (17% не одобряют) [10].

Возникает вопрос: почему авторитарный режим, а не создание демократических институтов, как в ЦВЕ, не возврат к "идеалам 91-го года"? Велик соблазн списать все на российскую традицию. Авторитарное наследие действительно существует, однако вопрос о роли авторитаризма в российской истории сложнее, чем принято считать. На первый взгляд, существует древний симбиоз европейской и деспотической традиций в России [11]: европейская либеральная, индивидуалистическая и демократическая традиция противоположна деспотизму. Но это толкование подлежит корректировке. Европейская традиция двойственна. Индивидуалистическая составляющая, берущая начало в античности, выражена в *конкурентном* социальном порядке (один из ее вариантов - демократия). Истоки религиозно-коллективистской традиции в восточном происхождении христианства как духовной основы европейской цивилизации. На этой базе возникают *иерархические* модели. Их в истории Европы не меньше, чем моделей конкурентных: средневековая теократия, абсолютистские режимы XVI—XVIII вв., тоталитаризм середины XX в.

История России, как и Западной Европы, - пример чередования двух начал и моделей социального строя. Особенность России лишь в том, что здесь индивидуалистическая составляющая слабее коллективистской. Формирование конкурентных моделей за последние 400 лет по меньшей мере трижды (в XVII столетии при первых Романовых, в конце XIX - начале XX вв. - от Великих реформ Александра II до революции 1917 г., и начало третьей русской революции) прерывалось. Российская традиция в своей основе - европейская; ее двойственность лишь подтверждает это. Поэтому в попытках создания авторитарного бонапартистского режима в России речь сегодня идет не о выдуманном проявлении азиатской тяги русских к деспотизму, а о *реакции европейского (весьма своеобразного) общества, находящегося в конце революционного цикла*. Возврат в 1991 год был не прекращением, а продолжением революции; и в 2000 г. Россия предпочла авторитаризм.

Роль бонапартизма - обуздание революционной стихии, соответствующее ожиданиям большинства общества: термидор устраняет крайности революции, но не ее наследие; перемены, принесенные революцией, он институционализирует. Бонапартизм - синтетичен, соединяя традиции с новациями, остатки прошлого - с наследием революции. Авторитаризм его обусловлен необходимостью концентрации усилий на этой задаче. Иерархичный строй подходит для этого лучше, чем конкурентный, сглаживая на время противоречия внутри общества. Методы "сглаживания" могут быть разными в зависимости от типа проблем. Перед бонапартизмом в России стоят три проблемы эпохи Ельцина.

1) *Проблема легитимации*. Казалось бы, режим Путина легитимен с демократической (свободные выборы, на которых "кандидат в Бонапарты" получил убедительную поддержку) и "монархической" (фактически назначен Ельциным) точек зрения. Однако появился другой фактор "Поддержка ВВП - это ультиматум масс, выдвинутый элитам: требование перемен и готовность простить, если перемены наступят достаточно ощутимо... *Выборы выиграла одна сила - но она полностью лишена общественных инструментов, которые были давным-давно расхvatаны и присвоены другими силами*" [12]. Ситуация характерна для становления бонапартистского режима: популярный лидер, отделенный от поддержавшего его большинства политическим классом, унаследованным от термидора. Интересы этого класса часто противоположны интересам лидера и задачам режима, который он создает. Поскольку общественные инструменты давным-давно расхvatаны термидорианцами, он в состоянии сделать формально легитимного лидера *психологически* нелегитимным - лишить его популярности, организовав кампанию в СМИ, спровоцировав давление извне - да мало ли способов у политтехнологов?

Проблему неформальной легитимации, которая для бонапартистского режима, возможно, важнее легитимации формальной, в разных странах решали неодинаково. Наиболее эффективен метод Ш. де Голля. Он использовал механизм плебисцитарной демократии, форсировал создание партии "Объединение в защиту республики", институционализируя таким образом поддержку масс. Путину тяжелее, чем де Голлю - по социально-психологическим причинам: когда в массовом сознании преобладает патерналистский запрос, даже очень популярный новый президент вряд ли может рассчитывать на активистский тип общественной поддержки [13].

2) Вопрос легитимации связан с *институционализацией*. Здесь у новой власти два пласта проблем. 1. В области государственного строительства - административное устройство страны, распределение властных полномочий по уровням выстраиваемой государственной иерархии. Возникает соблазн заменить аморфную конфедерацию *de facto*, в которую превратилась Россия Ельцина, унитарным государством наподобие Беларуси, где сверхцентрализация делает вершину государственной пирамиды ее основанием; об устойчивости пирамиды нет и речи. Если в 10-миллионной Беларуси такая система какое-то время может существовать и быть относительно эффективной, в самой большой стране мира подобный эксперимент чреват плачевными результатами. Другой, более плодотворный путь - законодательное распределение полномочий между уровнями власти при сохранении прерогатив верхних эшелонов.

Институционализация режима, его взаимоотношения с гражданским обществом - точнее, с его ростками, успевшими появиться в России. У режима нелегкий выбор: оставаться чисто бюрократическим, используя лишь государственные механизмы решения задач социальной трансформации (и тем самым, сужая свою социальную базу), или доверить решение части задач обществу, развивая местное самоуправление, поощряя поддержку реформаторских усилий президента и правительства и т.п. Последний вариант продуктивнее, но связан с важным вопросом сохранения гражданских свобод. Как показывает опыт голлистской Франции, *авторитарный режим не обязательно ограничивает эти свободы*. Однако их существование, несомненно, в какой-то мере подрывает иерархический характер авторитарной модели политического устройства и способствует становлению альтернативной, демократической конкурентной модели. Даже успех назревших реформ не гарантирует авторитарному режиму вечной массовой поддержки. Бонапартизм, избавив общество от революции и заложив основы нового порядка, рано или поздно должен сойти со сцены, уступить место более либеральному режиму (Франция в конце правления де Голля, Испания после Франко, Чили после Пиночета).

От того, осознают ли российские верхи преходящий характер создаваемого ими бонапартистского режима, зависит развитие событий в стране. Переход от мягкого авторитаризма ("управляемой", или "патронируемой" демократии и т.д.) к демократии полноценной - более перспективен. Консервация и "окостенение" режима, сопровождаемые ограничением гражданских свобод и, возможно, репрессивными мерами (путь Франко) - ведут в тупик. Катастрофы августа 2000 г. показали, что эрозия власти зашла далеко, эффективность госструктур в чрезвычайных ситуациях низка, полагаться исключительно на них при проведении преобразований небезопасно.

3) Институционализация начальной поддержки режима "молчаливым большинством" может стать инструментом решения третьей системной проблемы - *проблемы политического класса*. Необходимость кардинальной ротации нынешней элиты, судя по всему, осознается Кремлем. Интересы группировок, входящих в эту элиту, расходятся с задачами режима, что и подтверждают конфликты Путина с региональными лидерами и олигархами. Речь идет об институциональной программе де-автономизации существующих центров власти, о пересмотре системы "правил игры", изменении баланса сил между федеральным Центром и остальными политическими игроками [14]. В. Путин избрал естественный способ решения проблемы — "создание президентской вертикали и формирование собственной политической команды", чтобы консолидировать национальную государственность [13]. Для решения этих задач политический

класс нуждается в притоке свежей крови, что невозможно без обращения к слоям общества, пока настроенным положительно к президенту и его реформаторским усилиям. Успех здесь будет во многом зависеть от того, какой из двух вариантов авторитарного режима предпочтет новая власть — авторитарно-бюрократический (франкизм) или авторитарно-демократический (голлизм). Как видим, проблемы России связаны между собой. Однако для перспектив России наиболее существенны фактор имперского наследия и возможность его преодоления.

На руинах империи

"Лоскутность" режима Ельцина проявилась не только в социологически гибридном происхождении режима и его неполной институционализации. Характеристикой термидора в третьей русской революции стало отсутствие у руководства России четкого видения перспектив страны и своей политики как инструмента достижения стратегических целей. На якобинском этапе цикла революции у российских верхов во внутренней политике была стратегия либеральная: создание основ гражданского общества, утверждение прав и свобод личности как неотъемлемой части общественного сознания, развитие демократических институтов и активизация рыночных механизмов, зачастую безоглядное ослабление роли государства. Крах этой политики обусловлен более всего чрезмерным радикализмом, с каким она проводилась в 1992—93 гг., а также ее внутренней противоречивостью. В борьбе с консерваторами ультралибералы сделали ставку на Ельцина, похоронив надежды создать в России реальные демократические институты.

Во внешней политике либеральный курс можно свести к наследию команды А. Козырева, сегодня развеванному без следа [15]. Это была политика "от противного": шаги новой России на международной арене были полной противоположностью акциям СССР от Сталина до раннего Горбачева. В качестве стратегии провозглашалось сближение с Западом, вхождение России в сообщество демократических государств. Причины провала этого курса схожи с причинами краха внутренней политики ультралибералов: действия без учета фактора, определяющего состояние российского общества по сей день. Это фактор следующий. В 1991 г. Россия избавилась от коммунизма и перестала быть империей. Но наследие ее существует. Не замечать его для государственного деятеля России - означает обрекать себя на поражение.

Из толкований понятия "империя" наиболее точным видится определение империи как "смысла (и реальности) большого и устойчивого политического пространства, длительно переносимого на смысл неполитических действий и коммуникаций". Длительность этого переноса обуславливает "сохраняющееся куда дольше, чем определенные политические системы, существование того, что можно было бы назвать "имперской идеей". Империя... это не столько определенного рода государство, только некая самоочевидность большого политического пространства" [16, с. 458, 460]. Преодолеть "самоочевидность", укоренившуюся за века существования империи, в одночасье нельзя.

В этом отличие трансформации в посткоммунистической России и в ЦВЕ. Там избавление от коммунизма имело социально-революционную и национально-освободительную составляющие. В России даже антикоммунисты не подвергли сомнению ее статус великой мировой державы (пример - А. Солженицын). Могло ли быть иначе, если российская идентичность (не национальная, а государственная) исторически увязана с формой пространственной организации власти на евразийской территории? Дореволюционная и советская Россия / СССР была (и могла быть) только империей и автократией - при том, что империя была особая, а автократия наполнялась разным содержанием. У России был свой "натиск на восток" для защиты от внешней опасности. Освоение восточных земель привело русских туда, где они, может быть, не рассчитывали оказаться, - на берега Тихого океана. Чем больше Азии вбирала изначально европейская Россия, тем специфичнее делались организм ее общества, идентичность

русского народа - стержневого этноса евразийской империи. В отличие от колониальных держав Запада Россия не отделяла океаны от освоенных и покоренных земель. Метрополия срослась с колониями. Поколения русских (да только ли русских?) вырастали, старились и умирали с убеждением, что Белоруссия и Украина, Кавказ и Центральная Азия, не говоря уже о Сибири или Приморье - тоже Россия. С возникновением СССР мало что изменилось. В отличие от власти царской, проводившей русификацию, советская власть использовала псевдофедеративную модель, в рамках которой роль России, как метрополии, и русского народа, как имперской нации, была завуалирована. Однако империя стала "империей в квадрате", добавив к колониализму царей тоталитаризм комиссаров.

Имперский характер государства, обусловленный необходимостью удержания территорий с неоднородным населением, явился причиной преобладания коллективистско-иерархического начала над конкурентно-индивидуалистским. Борьба этих начал в России неизменно заканчивалась победой первого. В конце XVII в. на смену эпохе сословно-представительской монархии и Земских соборов пришла революция Петра Великого, проведенная под лозунгами прозападной модернизации и возродившая в России тоталитарную монархию, основанную Иваном Грозным. В 1914 г. из-за соперничества даже не с Германией, а с Австро-Венгрией и Турцией Россия оказалась втянутой в мировую войну. Результатом стала революция, покончившая с полупарламентской монархией и элементами гражданского общества, возникавшими при последних императорах.

Нынешняя ситуация в корне отлична от вышеописанных. *Россия, перестав быть имперским государством, за годы третьей революции так и не определилась, чем она намерена быть.* Не определена и внешняя политика страны. В ней стихийно, без намека на стратегию произошел переход от либерального идеализма и братания с Западом, характерных для эпохи А. Козырева, к охлаждению отношений с геополитическим центром современного мира. Во время кампании НАТО против Югославии говорили о "новой холодной войне". Главное противоречие внешней политики Ельцина и российского массового сознания (антизападную линию поддержало подавляющее большинство россиян) несовпадение самооценки новой России с ее реальным положением в мире. В 1999 г. Москва не смогла предпринять ничего для защиты своих - подлинных или мнимых - интересов на Балканах. Не смогла по объективным причинам. Полномасштабная конфронтация с Западом обернулась бы экономическим коллапсом России. Державная риторика "позднего" Ельцина и неизжитые имперские комплексы долгие годы не давали значительной части общества осознать, что эпоха великодержавия ушла в прошлое с Советским Союзом. Россия теперь не так уж много значит в мире из-за слабости: национальный доход России сопоставим с доходом не самых богатых штатов США, средняя продолжительность жизни в стране на 15-20 лет меньше, чем в Западной Европе, Северной Америке и Японии. О "Большой восьмерке" говорят исключительно из почтения к российскому ядерному арсеналу: не будь этого фактора, роль России в мире была бы не больше, чем у Бразилии или Индонезии. Российское общество так до конца и не поняло, что России надо привыкать к статусу региональной державы, не самой богатой и благоустроенной, хоть крупной и влиятельной. Такое привыкание связано с демонтажем остатков имперского государственного устройства, имперской политики и созданием в России современного национального демократического государства. Эта задача наиболее важна, ее решение могло бы принести исторический успех сегодняшнему бонапартистскому режиму. Превращение России в современное национальное государство логически завершило бы процесс трансформации, начатый третьей русской революцией.

"Современное национальное демократическое государство" - в первую очередь правовое государство, в котором соблюдаются основные нормы современной демократии; сохранены исторические традиции и специфика важнейших сфер жизни общества — в той степени, в какой традиции не противоречат демократии; проводится национальная политика, основанная на равенстве всех граждан, вне зависимости от

этнического происхождения, религиозной принадлежности и т.п.; геополитическая роль страны соответствует ее экономическому и военно-техническому потенциалу; в массовом сознании граждан преодолены имперские комплексы - экспансионистские, реваншистские и изоляционистские. Крушение советской империи, наследницы и продолжательницы традиций империи царской, дает России шанс, небывалый в ее истории.

Строительство национального демократического государства имеет внутривнутриполитический и внешнеполитический аспекты, связанные с проблемой *окончательного цивилизационного выбора*, которую предстоит решить России. В современном взаимосвязанном мире ни одна нация не может "уйти в себя", как средневековая Япония, позволить себе "блестящую изоляцию" и т.п. К тому же у России нет сил для экспериментов. Процесс одновременного сближения и противостояния цивилизаций, предсказанный А. Тойнби, стал реальностью. Каждая страна вынуждена делать выбор в пользу наднациональных группировок на мировой арене. Не углубляясь в геополитические рассуждения, скажем, что простым методом исключения можно прийти к однозначному выводу: для *нынешней России нет разумной реальной альтернативы конструктивному сотрудничеству с западным миром*, к которому она, несмотря на перипетии истории, принадлежит. Последнее не означает возврата к романтическому западничеству начала 90-х. Если третья революция чему-то и научила российское общество, то разумному скептицизму: Россию нигде не ждут с распростертыми объятиями. Но это не значит, что сближение с Западом невозможно. России больше всего необходимо завершение социальной трансформации, что предполагает отказ от изоляционизма. У Запада тоже есть резоны не оставлять Россию тет-а-тет с ее проблемами (хотя не слишком удачный опыт сотрудничества с режимом Ельцина толкает многих на Западе к такому решению). Это геополитические соображения: согласно определению З. Бжезинского, после краха СССР в центре Евразии возникла зона нестабильности, - для Запада источник потенциальной угрозы [17]. Укрепление России как крупной региональной (не мировой) державы выгодно Западу - хотя масштабы и характер этого укрепления Москва, Вашингтон, Берлин понимают по-своему. Важен момент материальный: за годы Ельцина Запад слишком много вложил в Россию, чтобы бросить проект под названием "российские реформы".

За эти годы представления Запада о России, отношение к ней изменились не в лучшую сторону. Вина здесь на обеих сторонах. Режим Ельцина разочаровал западный мир в 90-е гг. Но и Запад не был благосклонен к России и искренен с ней. А. Янов вряд ли сгущает краски, когда пишет: Европа совершила в 1920 году в Версале роковую ошибку по отношению к веймарской Германии и повторяет эту ошибку по отношению к России [18]. Недоверие обоюдно. С российской стороны для его преодоления важно превращение метрополии прежней империи в современное национальное демократическое государство. Со стороны западной — уважение к особенностям России, отказ от стремления навязать ей модели развития. Западу стоит понять: *характер системы, которая формируется сегодня в России, логичен с исторической точки зрения*, при отсутствии в России развитого гражданского общества система может быть только авторитарной — с элементами демократии. Очень важно, чтобы эти элементы укреплялись. Для этого в ближайшее время потребуются немалые усилия в России и за ее пределами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мельвил А. Политические ценности, ориентации и политические институты / Россия политическая. М., 1998.
2. Московичи С. Век толп. М., 1998.
3. Клямкин И., Шевцова Л. Внесистемный режим Бориса II // сайт Московского центра Карнеги, 1999 г.: www.pubs.carnegie.Ru/books/1999/091s.
4. Романенкова Т., Бабочкин А. Призрак Бонапарта // Независ. газ. 2000. 1 июня.

5. *Ахиезер А.С.* Специфика исторического пути России // 11 мая 1999 г., сайт "Московский Либертариум": [www.libertarium.ru/libertarium/1 lib ahies3](http://www.libertarium.ru/libertarium/1_lib_ahies3).
6. Аргументы и факты.. 1997. № 29.
7. *Вызов Л.* Становление новой политической идентичности в постсоветской России / Российское общество: становление демократических ценностей? М., 1999 // www.pubs.carnegie.ru/books/1999/09ar/02.asp.
8. *Тойнби А.Дж.* Постигание истории. М., 1991.
9. *Фридрих К., Бжезинский З.* Тоталитарная диктатура и автократия /Тоталитаризм: что это такое? РАН, ИНИОН. М., 1993.
10. *Седов Л.* Пять месяцев с Путиным по путинскому пути. Социально-политическая обстановка в России в мае 2000 года // сайт Полит.Ру 13 июня 2000 г.: www.Dolit.ru/documents/247766.html.
11. *Янов А.* Из выступления на независимом теоретическом семинаре "Социокультурная методология анализа российского общества", Москва, 10 июня 1998 г. // www.scd.plus.centro.ru/22htm.
12. *Павловский Г.* Очень своевременный кризис// Русский журнал. 2000. 24 июня.
13. *Рябов А.* Президентские выборы и эволюция политической системы в России // февраль 2000 г., сайт Московского центра Карнеги: www.pubs.carnegie.ru/briefings/2000/default.asp?n=issue02-00.asp.
14. *Бунин И., Макаренко Б., Рославцев К.* Патронируемая демократия // Независ. газ. 2000. 20 июня.
15. *Мельвиль А.* Либеральная внешнеполитическая альтернатива России? // Открытая политика. 1998. № 6.
16. *Филлипов А.Ф.* "Империя" в современной политической коммуникации / Куда идет Россия? Общ. ред. Т.И. Заславской. М., 1995.
17. *Бжезинский З.* Великая шахматная доска. М., 1998.
18. *Янов А.* Введение в историю русского национализма // Открытая политика. 1999. № 5.